
НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ: МЕТОДЫ СБОРА И АНАЛИЗА

Е.А. Гудова
(Москва)

О «ТРАВМЕ МЕТОДОМ» И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РАБОТЕ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

В данной статье рассматриваются предпосылки и недооцененные последствия эмоционального переживания полевой работы. Недостаточная для российской науки теоретическая и методологическая освещенность «эмоциональной работы» исследователя способна исказить представления о специфике интервью и этнографии, чрезмерно акцентируя внимание на совершенстве концептуальных схем и инструментария, а также процедурной этике. В то же самое время неверные ожидания и неподготовленность тех, кто только отправляется за своим первым эмпирическим материалом, способны привести к весьма болезненному столкновению с реальной действительностью. Эпистемологические, этические и онтологические последствия подобной «травмы» могут в значительной степени влиять как на стратегии исследователя, так и на личность. В статье кратко приводятся некоторые основания «качественных» методов, сравнивается различное отношение к эмоциям в методологии социологии и антропологии, а также рассматриваются сложности и потенциальные риски эмоциональной работы в поле.

Ключевые слова: антропология, профессиональное выгорание, интервью, качественные методы, рефлексивный поворот, травма, эмоциональная работа, этнография.

Елена Алексеевна Гудова – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры экономической социологии, младший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: egudova@hse.ru.

О «травматичности»¹ полевого опыта

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.
Ф. Ницше. По ту сторону добра и зла

Полевой этап в социологических исследованиях, выполненных с использованием качественной методологии, вероятно, самый интригующий и загадочный как для научного сообщества, так и для самого исследователя. Хорошим тоном и демонстрацией способности к рефлексии в академических текстах являются рассуждения о методологии и формулировании ключевого вопроса, выбор исследуемого объекта и процедура сбора данных, ограничения валидности – надежности – репрезентативности и запрос на эпистемологическую объективность. Последний аспект важно скорректировать на веберовский *Verstehen* и на то, что в традиции качественных исследований социология является «понимающей» и работает с социальными смыслами. Значительно реже мы задумываемся, чем эти смыслы опосредованы в рамках коммуникативной ситуации в поле², что именно социолог «понимает» и что теперь с этим делать.

¹ Термины «травма» и «травматичность» используются мной в качестве метафоры и не претендуют на статус определения. Данная метафора не имеет ничего общего с терапевтическим пониманием и медикализацией травмы и не должна вводить читателя в заблуждение, что травматичным является вообще любой эмпирический опыт или что любое происшествие в поле / отклонение от плана мыслится как неминуемый вред неподготовленному исследователю.

² Здесь и далее в тексте «полевой опыт» и «поле» будут использоваться для отсылки к эмпирическому этапу исследования. Безусловно, от специфики объекта и выбранного метода будет зависеть и «полевой опыт» исследователя.

Дискуссии о специфике непосредственно ситуации интервью и влиянии исследователя на ответы информанта ведутся давно¹. Постепенно к ним добавляются обсуждения этических аспектов и исследовательской саморефлексии². Однако не так часто можно увидеть рассуждения о том, что поле – это не просто, как в своей технической реализации, так и по возможному влиянию на дальнейшую жизнь исследователя³. «Поле» способно «дать сдачи». Случиться это может по-разному, и задача данного текста в том, чтобы подчеркнуть эмоциональность и, в некоторых случаях, травматичность полевого опыта.

Эмпирический этап вносит естественные корректировки в методологические рекомендации и построения. Например, не все информанты одинаково доступны для беседы, и часто наиболее отзывчивыми оказываются люди старшего возраста. Здесь любая тема может перейти в биографическое интервью, в котором почти наверняка всплывают трагические истории и переживания. Сохранять дистанцию и следовать структуре гайда в подобной ситуации не просто, ведь дополнительно нужно работать с эмоциями, своими и информанта. Помимо прочего, имеющиеся у исследователя представления о том, что «хорошо» и «плохо», ведут себя неоднозначно в другом контексте, поскольку изначально сформировались в иной среде с определенным уровнем достатка, образования, определенными ценностями, жизненными шансами. Безусловно, эти проблемы связаны с наличием и профессионального, и жизненного опыта, но у них есть и общие для социальных наук истоки.

¹ К примеру, статья С.А. Райса о влиянии интервьюера на ответы информанта была опубликована еще в 1929 г. См.: [1].

² Исторический обзор развития этических вопросов в социальных исследованиях см.: [2].

³ Обычный жанр таких высказываний – полевые байки и истории в неформальных разговорах. Примером художественной формы подобного высказывания может быть фильм Б. Хамера «Кухонные байки», в котором дальнейшая судьба исследователя существенным образом меняется после начала полевого этапа. О специфике автоэтнографии речь пойдет ниже.

Зачастую сам факт того, что нужно с кем-то общаться, сам по себе достаточно неудобен. Случается, что исследователи, чаще начинающие, но иногда и опытные, руководствуются не природой стоящего перед ними вопроса, а методологическими предпочтениями, минимизируя коммуникативные издержки. Степень формализации инструментария не только задает структуру коммуникации, но также определяет возможности для формализации самой ситуации взаимодействия с информантом. В опросе легче отремонтировать или при необходимости завершить коммуникацию, чем в интервью, а тем более в этнографии; в нем не нужно вычленять смысловые конструкции, улавливать невербальные сигналы, эмпатически слушать и работать с эмоциями. Формальная стандартизованная процедура и опросная догматика очерчивают призрачный мостик над пропастью сложных и неясных человеческих эпистемологий и онтологий; а с интервью этого не получится – это прыжок веры¹.

В социальном исследовании мы не только больше узнаем про интересующий феномен, но и лучше узнаем самих себя [3, с. 117]. Как правило, полевая работа быстро ставит нас перед фактом: трудно разделять интеллектуальные наработки и «неинтеллектуальные» переживания, они все время переплетаются. Поле все время сопротивляется хладнокровному препарированию и «дает сдачи», причем делает это с большим разнообразием, но неизменно указывая, что ничто человеческое исследователю не чуждо.

В данной статье сделана попытка проследить предпосылки «травматичности» полевого этапа в качественном исследовании.

¹ Подобными рассуждениями я не имею цели девальвировать методологическую сложность опроса. О том, как по уровню эмоционального выгорания и фрустрации интервьюеров массовые опросы способны даже обойти «мягкие методы», см.: [4]. В данном тексте мне представляется важным подчеркнуть специфику метода интервью и постараться дать ей различные объяснения, но не обозначать исключительность и уникальность метода в сопутствующих сложных переживаниях.

Моя задача – обозначить природу и скрытый характер сопутствующей ему «эмоциональной работы»¹, игнорирование которой как раз и способно оказаться «травмой». Под эмоциональной работой исследователя здесь и далее понимается попытка изменять интенсивность или качественные характеристики переживаемых собственных эмоций, в первую очередь непосредственно в коммуникации с информантами.

Для этого я последовательно рассмотрю: разделение эмоциональности и рациональности исследователя, продиктованное философскими основаниями социальных наук; некоторые этические проблемы в антропологии, приведшие к «рефлексивному повороту», формированию жанра автоэтнографии и легитимации открытого переживания эмоций полевого этапа; неявные аспекты «эмоциональной работы» социального исследователя. В заключительной части предлагаются некоторые возможные шаги для работы с описанными особенностями качественного исследования.

Наследие философии в социальных науках и эпистемологические предпосылки «травмы»

Представление о том, что социальный мир отличается от природы и заслуживает особенных методов изучения, усиленное идеями герменевтики, феноменологии и символического интеракционизма, является основным действующим пигментом в целой палитре исследовательских инструментов, которые условно называются «качественными». Они проблематизируют, деконструируют и заново собирают пазл различных смыслов, которые обнаруживаются в рамках наблюдения, анализа документов или материальных объектов и, безусловно, в процессе общения с информантами.

¹ Данный термин заимствуется у А.Р. Хохшильд, о чем более подробно будет сказано ниже.

Понять точку зрения Другого можно, исходя из представлений о том, кто это, какова ситуация межличностного взаимодействия и каков более широкий социальный и культурно-исторический контекст – теоретические предпочтения исследователя должны подсказать ему или ей, что именно окажется в фокусе. При этом ответы на вопросы «кто этот человек?», «что и как сейчас происходит в рамках нашего общения?» и «каковы предпосылки и контекст нашего общения?» могут оказаться более значимы, чем сам нарратив.

Бесконечный спор между позитивизмом и герменевтикой о том, какие методы лучше решают те или иные задачи и объективнее позволяют описать реальность, делает возможным существование поля социальной теории, внутри которого есть масса ответов на вопрос, как мы вообще можем познать то или иное явление. Как метко выразились Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко, «дилемма “качественное – количественное” находится в центре сооружаемой ныне грандиозной эпистемологической кучи» [5, с. 28]. Важно, что она именно *эпистемологическая*. Спор о методе затрагивает критерии научности, возможности познания, объективности и обобщения, и даже здесь поле способно «дать сдачи».

Но есть и более сложный вопрос, скрывающийся за проблемами выбора в богатом и разнообразном инструментарии социальных наук. Герменевтическая традиция, при всем своем внимании к социальным отношениям и возникающим в них смыслам, все равно ставит разум во главу «интеллектуального королевства» [3, р. 110]. Даже обсуждая попытки реконструировать жизненный мир информанта мы, в первую очередь, говорим о когнитивных усилиях, а испытываемые исследователем эмоции при этом игнорируем. Иногда же речь вообще заходит о том, что эмоциональность исследователя искажает данные и девальвирует их научную ценность, эмоции «загрязняют» (*contaminate*) чистую науку [3; 6; 7].

В своей книге «Исследуя с чувством: эмоциональные аспекты социальных и организационных исследований» К. Кларк с колле-

гами видят причины такого положения дел в картезианском дуализме: рациональность – даже если и множественная/локальная/ограниченная и т.п. – всегда была одной из ключевых ценностей в западной науке, в то время как эмоции только вмешивались в нормальное выполнение задач и требовали скорейшего возврата к естественному ходу вещей [8, р. 23].

Почему же социальные науки так старательно скрывают все эмоции за кулисами проведенного исследования? Вот некоторые причины: эмоции нарушают чистоту данных; их достаточно трудно переводить в текстуальную форму; они ставят под удар и без того вечно получающую упреки «субъективность» качественников¹; открытие своей душевной кухни может навредить академической карьере [8; 9]. К примеру, М. Элай с коллегами в своей работе, посвященной включению эмоций в исследовательский процесс, пишут о том, что их студенты (психологи, социологи, социальные антропологи) с удивлением обнаруживали нарушение «табу» на эмоции в поле [3], а Ш. Кляйнман указывает, что если бы она открыто говорила о своих эмоциях, это бы выглядело совершенно ненаучно среди ее коллег – «количественников» [9].

В качественных методах как бы подразумевается, что исследователь – не просто холодная и бездушная машина [3]; в конце концов, речь идет о живом общении и реальных людях – информантах. Веберовская социология предполагает, что за человеческими взаимодействиями может крыться некоторое «объективное» знание, поэтому требует от исследователя *эмпатии*. Однако из «антидота», нацеленного на «смягчение моральной слепоты позитивистской и колониальной исследовательской традиции» [11, с. 234], эмпатия постепенно превратилась в эпистемологический принцип и способ получить более интересные данные и повисить их надежность. Это привело к достаточно парадоксальной ситуации: *Verstehen*

¹ Что с новой силой может проявляться в эпоху больших данных и охваченной генеральной совокупности.

и эмпатическое участие, призванные помочь исследователю разобраться в сложных субъективных интерпретациях информанта, становятся научной оптикой и институционализируют качественные методы [12, с. 106–114]. Рациональное и эмоциональное оказываются разделенными, и первое подчиняет последнее.

Перекочевавшее в социальные науки представление о том, что исследователь может отстраненно наблюдать – описывать и препарировать на свой вкус социальную реальность и изучаемые объекты (главное, вовремя проникнуться эмпатией), постепенно сформировало другой круг вопросов, в центре которых оказались отношения с информантом и личность исследователя. Наиболее остро на них отреагировала антропология, которая в переосмыслении своих колониальных оснований пришла к проблемам этики и рефлексивности в своем основном методе – этнографии.

Антропология и этические аспекты «травмы»

«Полевой опыт», под которым антропологи понимают, в первую очередь, длительное пребывание в экзотической (по крайней мере, для самого исследователя) культуре, является краеугольным камнем формирования профессиональной идентичности, центральным обрядом перехода, буквально индоктринацией неопита в дисциплину [13]. Недаром известный американский антрополог П. Рабинов в своей книге «Размышление над полевой работой в Марокко» иронично пишет, что в его студенческую бытность департамент антропологии Университета Чикаго делился на две категории людей – тех, кто уже побывал в поле, и остальных [14]. Неотъемлемость асимметрии власти в отношениях и социальная дистанция, эффект интервьюера, степень допустимой и желаемой вовлеченности и эмпатии, стратегии закрытия и выхода, многочисленные этические дилеммы – все это рано или поздно попадало в

фокус методологического обсуждения, влияние на которое оказали самые разнообразные факторы¹.

Этнографический метод в его канонической форме, заданной Б. Малиновским, предполагает разделение сбора исследовательской информации «в поле» и последующее ее осмысление «за письменным столом» [16]. Инструментом является сам исследователь, с присущей ему ориентацией на факт своего личного опыта присутствия в поле, поэтому критически важно осмыслять, как именно эта фактичность искажает получаемые данные, и разделять две ипостаси себя. Хорошим способом сделать это является письмо, поскольку объективация на бумаге отчуждает субъективный опыт от объективной науки [17].

Но в 1967 г. все изменилось – посмертно опубликованные личные дневники Малиновского, которые он вел во время своей полевой работы на тихоокеанских островах Тробриан в 1914–1915 и 1917–1918 гг., позволили проникнуть за фасад «Аргонавтов западной части Тихого океана». И оказалось, что автор часто раздражался, сетовал на неразумность островитян и вообще испытывал не всегда приятные чувства к тробрианцам, вплоть до явной агрессии.

Дневники вызвали невероятно мощный отклик внутри сообщества, и комментарии варьировались от сдержанных и прохладных до открыто возмущенных. Однако в предисловии ко второму изданию в 1987 г. редактор Р. Ферт указывает на произошедшую за двадцать

¹ П. Каплан в подробном обзоре развития дискуссии о морали и этике в антропологии пишет, что в 1960-е гг. повестку задавали проблемы колониализма и империализма, в 1970-е – неомарксистские настроения и политические вопросы, в 1980-е – феминистская критика и постмодернистская философия, а в 1990-е – внимание к идентичности, глобализация и расцвет культуры аудита (последний термин она заимствовала у М. Стратерн). См. подробнее: [15, р. 1–19]. Русскоязычное обсуждение истоков антропологической этики можно найти в тематическом номере журнала «Антропологический форум», посвященном этике полевых исследований (2006, № 5).

лет революцию в этнографическом методе [18]. На обложку книги в издательстве Стэндфордского университета (Stanford University Press) в аннотацию были вынесены два отзыва К. Гирца. В 1967 г. Гирц утверждал, что книга лишь «характеризует автора как раздражительного, самонадеянного ипохондрического нарцисса, чья общность интересов с людьми, с которыми он жил, была крайне ограниченной». В 1988 г. он уже писал о дневнике как о «закулисном шедевре антропологии, “двойной спирали” дисциплины»¹.

За два десятилетия вышло множество влиятельных книг, а этнографический метод подвергся многократному переосмыслению, но особое место в этом процессе занимает так называемый «рефлексивный поворот», у истоков которого оказались «Дневники» Малиновского. Автор помнил о неотъемлемой фактичности антрополога, разделял его исследовательскую роль и персоналию и стремился «зафиксировать» последнюю в тексте и таким образом от нее избавиться [17]. Этнографы рефлексивного поворота, среди которых особо выделяются П. Рабинов, Р. Розальдо, Дж. Маркус и Дж. Клиффорд, стали уделять существенное место отношениям и событиям, в которые погружен исследователь, а также внутренним переживаниям. «Остранение» перестало быть лишь способом дистанцирования от материала, оно превратилось в материал.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. уже стало очевидным, что понимать другую культуру и вообще Другого не только невероятно сложно, но и не всегда приятно. Г.А. Файн с некоторой самоиронией писал, что поле ставит три группы вызовов: испытание классических добродетелей, проверку технических навыков и угрозу этнографическому собственному «я» [19]. «Технические» точность, наблюдательность и ненавязчивость еще в какой-то степени можно обрабатывать и корректировать. «Классическим» доброте, дружелюбности и честности исследователя приходится нелегко,

¹ Например, в предисловии книги, см. сайт издательства: <http://www.sup.org/books/title/?id=2891> (дата обращения: 16.11.2019).

поскольку «производство стоящих вещей не всегда дается лишь благовидными способами» [19]. Информанты могут рассказывать ужасные и вызывающие возмущение вещи, но исследователь не должен становиться моралистом или чрезмерно поддаваться своим эмоциям. Что касается этнографического «я», поле испытывает талант исследователя по обличению опыта в текст, а также его искренность, целомудренность и справедливость. Наивно предполагать, что эмоциональные и интеллектуальные изменения происходят только с информантом, поскольку процесс взаимодействия – это intersубъективное конструирование форм общения [16].

Как только критике подверглась «объективация» информантов, стало понятно, что этнографическая работа порождает не только эпистемологические сомнения, но и массу неудобных этических противоречий – моральных дилемм, в терминологии Файна. Попытки осознать их нашли свое отражение в развитии жанра автоэтнографии. Признание позициональности исследователя¹ и убежденность в том, что анализ собственного (иногда биографического) опыта поможет понять культурный опыт, стали поводом для открытого, фактически публичного переживания эмоций, навеянных полем².

Может ли исследователь дать что-то взамен или просто «использует» своих информантов? В каких ситуациях следует оставаться нейтральным слушателем и наблюдателем, а когда можно вмешаться или высказать свое мнение? Как минимизировать возникающие для сообщества и отдельных представителей

¹ И, соответственно, того, что канонической до определенного момента считалась этнография, написанная с позиции белого гетеросексуального мужчины – христианина среднего класса без телесных или умственных нарушений [20].

² К примеру, Д. Рогозин описывает автоэтнографию как «хорошо структурированную и соотношенную с внешним миром исповедь» [21, с. 224]. Хотя, конечно же, попытки наблюдать себя и свое влияние на «поле» встречались не только у антропологов и задолго до того, как автоэтнография появилась в качестве термина. См. подробнее: [22].

риски полевой работы? Всю ли информацию можно привлекать в качестве материала исследования? Что делать с возникающей гаммой чувств и банальной усталостью? Автоэтнография предполагала, что «подавляемые» и «умалчиваемые» эмоции нужно признать, дать им голос. Поэтому один из наиболее важных ее эффектов – терапевтический [3].

Эмоциональность можно вынести за скобки или сделать предметом рефлексивного анализа, но откеститься от того, что исследование совмещает интеллектуальные упражнения и глубоко прочувствованный процесс открытия, нельзя [23]. Возникающие здесь этические противоречия дополняются тем, что полевой опыт способен поменять представления о том, что в принципе есть мир и как он устроен. А это уже онтологические основания, которые немного «травмируются»¹.

Социология и онтологические аспекты «травмы»

Этап сбора эмпирики в социологии и антропологии, конечно же, различается, хотя бы потому, что первая больше привычна к интервью и использует этнографию как вспомогательный метод, находящийся скорее на периферии этой области и ее целей. В антропологии же этнография – это центр, сердцевина, неотъемлемый аспект существования [13]; она является не только инструментом познания, но и этической и онтологической установкой. Поэтому антропология давно уже осмысляет и работает с тем, что исследователь и является инструментом,

¹ Во всех смыслах чудесным образцом антропологического жанра, в котором автор исследует крайне непростую тему инвалидности, волонтерской работы и функционирование стационарных социальных учреждений, но – через собственный рефлексивный опыт и постоянное осмысление своих переживаний, является книга А. Клепиковой «Наверно я дурак: антропологический роман» [24].

в то время как социология по-прежнему склонна разделять эти два модуля. «Выключение» исследователя из исследования сводит обсуждение особенностей полевой ситуации, как правило, к нескольким сюжетам: согласию информанта, возникающим для него/нее рискам, возможностям использования полученных данных и этичности поведения исследователя. Эмоциональность и чувства (а и иногда личность целиком) пока остаются в слепом пятне, хотя даже транскрибирование интервью способно стать травматическим переживанием [25].

В дискуссии об этике в тематическом номере «Антропологического форума» [26], в которой участвовали и социологи, и антропологи, В. Воронков указывает, что основной проблемой социального исследования является отношение исследователя к информанту: ввиду гуманистического характера понимающей социологии информант должен восприниматься как равноправный партнер, а не как источник знаний, а исследователь должен исходить из врачебного принципа «не навреди!» [26, с. 51]. Об этом же «золотом правиле» морали исследователя пишет В. Ильин [26, с. 70]. Основная интрига большей части обсуждения – разрешение дилеммы успеха/честности (как это отмечает В. Ильин), а связанные с ней два основных полевых социологических «беспокойства» – это как получить согласие от информанта и как не причинить вреда.

За получением согласия, как за «слагбаумом», скрываются целые минные поля проблем [27]. Информированное согласие призвано защитить информанта и исследователя (а также институцию, которую представляет исследователь) от возможных правовых, процедурных и физических рисков. Однако эмпирические исследования исследователей-качественников (такая вот социологическая рефлексия) показывают, что эмоциональные риски не только не контролируются, но даже зачастую не рассматриваются в качестве потенциальных проблем, хотя могут быть значительно опаснее [28]. При этом под угрозой оказываются не только

непосредственно исследователи, но и ассистенты, ответственные за транскрибирование, и вообще все члены исследовательского коллектива [29].

Принято считать, что некоторые темы являются более сензитивными и эмоционально сложными. Сюда относятся: насилие и убийства, смерть, физическое и ментальное здоровье, сексуальность и репродуктивность, политический активизм, тяжелое детство [30; 31; 32]. Вменяемый исследователю принцип эмпатии в данном случае, не говоря уже о возможной симпатии и желании открыться в ответ, может выливаться в чувства вины и стыда, ощущение собственной уязвимости и бессилия, осознание своего «привилегированного» положения, потерю чувствительности к ужасам в нарративах и нормализацию услышанного. Наиболее часто встречаются тревожность, физическая и эмоциональная усталость и истощение, а в редких, но достаточно драматичных случаях могут возникать *контрперенос* (countertransference) или *усталость сострадать* (compassion fatigue) [9; 28; 30; 31; 32]. Даже в менее сензитивных темах постоянная необходимость вчувствоваться в жизненный мир информантов и устанавливать доверительные отношения нередко становятся причинами профессионального выгорания [33].

В работах В. Диксон-Свифт и ее коллег обосновывается мнение, что исследователи-«качественники» больше всего ощущают необходимость реципрокности, желание дать голос своим информантам и сделать что-то в связи с рассказанной историей, потребность проявить заботу и участие, а также отмечают существенный компонент *эмоциональной работы* (emotional work) и *эмоционального труда* (emotional labour). Оба эти термина и скрывающиеся за ними феномены предложила рассматривать А.Р. Хохшильд в знаменитом «Управляемом сердце» [34].

Эмоциональная работа, как было сказано выше, определяется как изменение интенсивности или качественных характеристик переживаемых эмоций. Она включает: управление телом для

возбуждения или подавления чувств; поверхностное исполнение (surface acting) – фактически демонстрацию эмоций в связи с нормативными ожиданиями; глубокое исполнение (deep acting) – усилия по реальному переживанию тех или иных чувств; работу сознания для производства той или иной эмоции [35].

Одним из источников вдохновения Хохшильд был драматургический подход И. Гофмана, и термин вполне применим и к другим взаимодействиям (рабочим и не только), где требуется сохранять лицо. Эмоциональный труд же возникает в тот момент, когда эта работа становится частью оплачиваемого труда [36]. Эмпирическими иллюстрациями этой идеи для Хохшильд стал труд бортпроводниц, в котором эмоциональная сторона предоставления услуги является неотъемлемой частью самой услуги – нужно не просто улыбаться, но давать пассажирам почувствовать, что им действительно рады.

Эмоциональная работа в поле – ожидаемый и естественный элемент ситуации общения с информантом. Она проявляется в необходимости и продуцировать «уместные» эмоции, и нивелировать «неуместные», причем в телесных практиках в том числе. Задачей интервьюера становится минимизация собственного вмешательства в нарратив вплоть до лишь кивков и покачиваний головой, поскольку «что определяет границы вежливости в обыденном разговоре, зачастую нарушает нарративную насыщенность этнографического интервью» [37, с. 45]. Исследователь не сбивает информанта даже со сложных и эмоциональных тем на нейтральные, но рефлексивно относится к динамике разговора и имеет возможность не вдаваться глубоко в травмирующие сюжеты и события, аккуратно обходить их¹. Хотя представить исследователя в роли «эмоционального работника» также можно с легкостью [8; 36]. Если первый исследовательский опыт происходит по теме, близкой к нашему повседневному опыту, поле может и «не дать сдачи», оставляя возможность сохра-

¹ См., например: [39].

нять спокойствие и вежливость, следовать положению ценностного нейтралитета М. Вебера¹.

Эмоциональная работа и сопряженные с ней риски – обратная сторона исследовательской эмпатии. Открываясь информантам и слушая их истории, исследователь, не всегда следуя собственным желаниям, оказывается в роли психолога, социального работника или духовника. Именно здесь и происходит столкновение с чужим необычным, а бывает и страшным жизненным миром, с собственным недостатком коммуникативных навыков и незнанием психологических приемов, с невозможностью во всем проявлять понимание и толерантность. Подобный опыт нельзя почерпнуть из учебников и книг и он и не может даваться легко. В какой же момент он может стать именно травматичным? Как представляется, в том случае, если эмоции по-прежнему мыслятся лишь как нечто, чем нужно управлять, а не интегрировать в исследование.

О месте эмоций в исследовании

Разыгрывание роли «исследователя» является крайне важным для профессиональной социализации и понимания себя [40]. В этом смысле полевой опыт и сопутствующие ему переживания – не только повод для методологической рефлексии, но и экзистенциальный вызов. Здесь можно возразить, что все зависит, в первую очередь, от жизненного опыта, а также от темы и метода. Те же малые города – еще не трущобы Мумбаи, как в «В тени вечной

¹ Однако небольшая логическая (или лингвистическая) сложность заключается в том, что Вебер рассуждал о свободе от оценок (преимущественно политического толка), а не ценностных ориентиров. А. Гоулднер утверждает, что ценностно нейтральная социология стала результатом попыток выправить немецкую академическую систему, где преподаватели были вынуждены конкурировать за интересы студентов – слушателей, и потакали им в высказывании популистских суждений [39]. Неверная интерпретация этого призыва дорого обходится на эмпирическом этапе, когда четкие схемы и модели «натываются» на реальную действительность.

красоты» обладателя Пулитцеровской премии К. Бу, и не один из криминальных районов Филадельфии, где проводила свое шумевшее исследование Э. Гофман. Однако и они за пару недель могут оставить эмоциональный отклик («как они здесь живут?!») и желание срочно что-то делать и кому-то рассказать.

На подобную реакцию принято отвечать, что город настоящий, и рассказанные истории и биографии тоже настоящие. Они остаются в своем застывшем виде там, где их нашли, даже после окончания исследования. Исследовать и изменять – это, к сожалению, разные задачи¹. Осознание этого различия болезненно, хотя нежелание осознавать его влечет дополнительные сложности: на одном полюсе будет полное выхолащивание эмоций из общения по принципу «главное – вынуть нужную информацию из человека», на другом – переход от исследования к активизму.

Отсутствие продуктивного сочетания исследования как интеллектуальной деятельности и исследования как глубокого переживания – наследие все того же «интеллектуального королевства». А ведь эмоциональная работа требуется в крайне разнообразных ситуациях. Например, если информант обвиняет тебя в шпионаже, закрывается сам и закрывает вообще весь доступ к полю, в дальнейшем начинаешь руководствоваться лишь критерием «вызываю доверие» при входе в поле и проработке легенды (из личного опыта). Или исследователь отказывается от дальнейшего использования интервью в пользу количественных методов, потому что смотреть и слушать уже «невыносимо» (из опыта студентов и коллег). Либо когда любое трагическое или несправедливое событие из истории города и его жителей нормализуется формулой «к сожалению, здесь это так устроено» (из опытов многих исследователей).

¹ Здесь, конечно же, нужно упомянуть М. Буравого и публичную социологию, для которой интеграция академического знания и внеакадемического мира (и влияние на него) в принципе является программной задачей.

Впору задаться вопросом, есть ли связь между исследовательской беспристрастностью, добротой-честностью и черствостью? И почему считается, что желание срочно что-то сделать с проблемой информанта – это хорошо, а нежелание общаться с людьми и как можно скорее выйти из ситуации интервью, даже в ущерб его качеству, – плохо и недопустимо? На мой взгляд, и то и другое – следствия все той же эмоциональности и травматичности полевого опыта. «Эмоциональная работа» точно так же входит в неявные требования к исследователю-качественнику, как в требования к работе стюардессы, работника сервисных индустрий или представителя социальных служб. От нее нельзя отказаться, поскольку взаимодействие состоит не только из формальной последовательности вопросов-ответов. «Щит» в виде гайды и методологическая стена не выдерживают обычной коммуникации.

Что можно сделать в сложившейся ситуации? Способы и навыки сбора эмпирики – знание, инкорпорированное в опыт. Кроме известных индивидуальных практик совладания со стрессом, методов коллективной поддержки и терапии, от разговоров у кулера до обращения к профессиональному психологу и все той же профессиональной социализации, возможно, стоило бы актуализировать понимание «эмоциональной работы» и развивать дополнительные навыки и компетенции. Например, заниматься психологической подготовкой и больше внимания уделять социальной психологии, развивать коммуникативные навыки и эмоциональный интеллект, практиковать ведение автоэтнографических заметок и дневника. Об эмоциональности полевой работы нужно говорить, подчеркивать ее место, «отрабатывать» трудности в игровом формате и в виде тренингов¹.

Полевой этап всячески вносит путаницу в стройные предварительные построения и подвергает мучительным переживаниям. Но именно там и нигде больше есть вопросы на имеющиеся у

¹ Как это сделали, например, Д. Радченко и П. Колозариди. См.: [41].

исследователя ответы. Сложно и не всегда следует хирургически разделять себя в исследовании и себя вне исследования. Необходимо отдавать себе отчет в этой сложной связи и делиться переживаниями с теми, кому их можно доверить, близкими и коллегами – что, как показали эмпирические исследования, и является основным защитным механизмом от «выгорания» и трудных эмоций [24, 26, 29].

Как заметила моя коллега – антрополог¹, «нужно дозировать свой идеализм» – в теоретических построениях, эмпирических ожиданиях и опыте, собственной картине мира. Хотя бы потому, что поле может «давать сдачи».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rice S.A.* Contagious Bias in the Interview // *American Journal of Sociology*. 1929. Vol. 35. No. 2. P. 420–423.
2. *Kitchener K.S., Kitchener R.F.* Social Science Research Ethics: Historical and Philosophical Issues // *The Handbook of Social Research Ethics* / Eds D.M. Mertens, P.E. Ginsberg. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2009. P. 5–22.
3. *Ely M. et al.* Doing Qualitative Research: Circles within Circles / M. Ely, M. Anzul, T. Freidman, D. Garner, A.M. Steinmetz. New York: Falmer Press, 1991.
4. *Рогозин Д.М.* В тени опросов, или будни полевого интервьюера: Исследование / Д. Рогозин. М.: Страна Оз, 2017.
5. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Миф о «качественной социологии» // *Социологический журнал*. 1994. № 2. С. 28–42.
6. *Carroll K.* Infertile? The Emotional Labour of Sensitive and Feminist Research Methodologies // *Qualitative Research*. 2013. Vol. 3. No. 5. P. 546–561.
7. *Shaw R.* The Ethical Risks of Curtailing Emotion in Social Science Research: The Case of Organ Transfer // *Health Sociology Review*. 2011. Vol. 20. No. 1. P. 58–69.
8. *Clarke C., Broussine M., Watts L.* Researching with Feeling: The Emotional Aspects of Social and Organizational Research. London: Routledge, 2014.
9. *Dickson-Swift V. et al.* Researching Sensitive Topics: Qualitative Research as Emotion Work // *Qualitative Research*. 2009. Vol. 9. No. 1. P. 61–79.

¹ Я благодарна Анне Кругловой за комментарии к данному тексту и ремарку, что при общем верном характере рассуждений понимание «травмы» в нем не лишено культурных оснований и несет отпечаток европоцентризма, о чем читатель также должен помнить.

10. Kleinman S. Field-workers Feelings, What We Feel, Who We Are, How We Analyze // *Experiencing Fieldwork: an Inside View of Qualitative Research* / Eds W. Shaffir, R. Stebbins. Newbury Park: Sage Publications, 1991. P. 184–195.
11. Capper D. Scientific Empathy, American Buddhism, and the Ethnography of Religion // *Culture and Religion*. 2003. Vol. 4. No. 2. P. 233–253.
12. Watson C. The «Impossible Vanity»: Uses and Abuses of Empathy in Qualitative Inquiry // *Qualitative Research*. 2009. Vol. 1. No. 9. P. 105–117.
13. Van Maanen J. *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
14. Rabinow P. *Reflections on Fieldwork in Morocco: with a New Preface by the Author* / P. Rabinow. Berkley: University of California Press, 2007.
15. Caplan P. *The Ethics of Anthropology: Debates and Dilemmas* / P. Caplan. London; New York: Routledge, 2004.
16. Ушакин С.А. Этнография себя, или о пользе формализма в антропологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. 7. № 2. С. 160–172.
17. Юдин Г.Б. Субъект глазами объекта: политическая антропология полевой социологии // *Социология власти*. 2016. Т. 28. № 4. С. 57–82.
18. Firth R. Introduction // *A Diary in the Strict Sense of the Term* / B. Malinowski. London: The Athlone Press, 1989.
19. Fine G.A. Ten Lies of Ethnography Moral Dilemmas of Field Research // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1993. Vol. 22. No. 3. P. 267–294.
20. Ellis C., Adams T.E., Bochner A.P. Autoethnography: An Overview // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 2011. Vol. 36. No. 4. P. 273–290.
21. Рогозин Д.М. Как работает автоэтнография? // *Социологическое обозрение*. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273.
22. Anderson L. Analytic Autoethnography // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2006. Vol. 35. No. 4. P. 373–395.
23. Gilbert K. *The Emotional Nature of Qualitative Research* / K. Gilbert. Boca Raton, FL: CRC Press, 2000.
24. Клепикова А. А. *Наверно я дурак: антропологический роман*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018.
25. Etherington K. Working with Traumatic Stories: From Transcriber to Witness // *International Journal of Social Research Methodology*. 2007. Vol. 2. P. 85–97.
26. Абашии С.Н. и др. (ред.) *Форум: этические проблемы полевых исследований* // *Антропологический форум*. 2006. № 5. С. 6–166.
27. Штейнберг И. Е. Социолог в поле: как полевые интервьюеры «спасают поле» или «коммуникационные мины» в интервью [Электронный ресурс] // *Социолог в поле. Авторский блог И. Штейнберга. Запись от 14.12.2017*. URL: <http://fieldsociology.blogspot.com/2017/12/blog-post.html> (дата обращения: 16.11.2019).

28. *Sampson H., Bloor M., Fincham B.* A Price Worth Paying? Considering the Cost of Reflexive Research Methods and the Influence of Feminist Ways of Doing // *Sociology*. 2008. No. 5(42). P. 919–933.

29. *McCosker H., Barnard A., Gerber R.* Undertaking Sensitive Research: Issues and Strategies for Meeting the Safety Needs of All Participants // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2(1). URL: <http://qualitative-research.net/fqs/fqs-eng.htm/> (date of access: 16.11.2019).

30. *Fahie D.* Doing Sensitive Research Sensitive: Ethical and Methodological Issues in Researching Workplace Bullying // *International Journal of Qualitative Methods*. 2014. Vol. 13. No. 1. P. 19–36.

31. *Dickson-Swift V. et al.* Risk to Researchers in Qualitative Research on Sensitive Topics: Issues and Strategies // *Qualitative Health Research*. 2008. Vol. 18. No. 1. P. 133–144.

32. *Dickson-Swift V. et al.* Doing Sensitive Research: What Challenges Do Qualitative Researchers Face? // *Qualitative Research*. 2007. Vol. 7. No. 3. P. 327–353.

33. *Штейнберг И.Е.* Профилактика «профессионального выгорания» в полевой работе социолога // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2008. № 27. С. 188–203.

34. *Hochschild A.R.* *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. California: University of California Press, 2012.

35. *Симонова О.А.* Концепция эмоционального труда Арли Р. Хохшильд // *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой*. М.: Вариант, 2012.

36. *Симонова О.А.* Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А.Р. Хохшильд // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. № 3. С. 339–354.

37. *Рогозин Д.М.* Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2018. Т. 10. № 16. С. 26–49.

38. *Инатова А.И.* Этнографическое интервью: комментарии полевого интервьюера к научной пьесе о тете Вале, Наде и Лене // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2018. Т. 10. № 16. С. 50–59.

39. *Gouldner A.W.* *Anti-Minotaur: The Myth of a Value-free Sociology* // *Soc. Probs*. 1961. Vol. 9. P. 199.

40. *Reinharz S.* *On Becoming a Social Scientist: From Survey Research and Participant Observation to Experiential Analysis*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1988.

41. *Колозариди П., Радченко Д.* Интервьюер 80 lvl // *ЭСФорум*. 2018. № 1(57). С. 14–15.

Gudova Elena,

*National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),
Moscow, egudova@hse.ru*

On “trauma by method” and fieldworker’s emotional work

This article investigates the preconditions and underestimated consequences of the emotional experience of fieldwork. The lack of theoretical and methodological discussion on the subject of researcher’s “emotional work” in Russian science misrepresents specifics of interview and ethnography. As opposed to that, the perfection of conceptual schemes and research tools, as well as formal ethical procedures, is highly emphasized. Therefore misperception and unpreparedness of those who are up for their first empirical material can lead to a painful encounter with reality. The epistemological, ethical and ontological consequences of such “trauma” can greatly influence both the researcher’s strategy and his or her personality. The article briefly summarizes some foundations of qualitative methods, compares different roles of emotions in disciplinary fields of sociology and anthropology, and investigates complications and risks of emotions during fieldwork.

Keywords: anthropology, burnout, interview, qualitative research, reflexive turn, trauma, emotional work, ethnography.

References

1. Rice S.A. Contagious bias in the interview, *American Journal of Sociology*, 1929, 35 (2), 420–423.
2. Kitchener K.S., Kitchener R.F. “Social science research ethics: Historical and philosophical issues”, in: Mertens D.M., Ginsberg P.E. (eds.) *The handbook of social research ethics*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2009. P. 5–22.
3. Ely M. et al. *Doing Qualitative Research: Circles Within Circles*. New York: Falmer Press, 1991.
4. Rogozin D.M. *In the shadow of polls, or the everyday life of a field interviewer* (in Russian). M.: Country of Oz, 2017.
5. Batygin G.S., Deviatko I.F. The myth of “quality sociology” (in Russian), *Sociological Journal (Sotsiologicheskij Zhurnal)*, 1994, 2, 28–42.
6. Carroll K. Infertile? The emotional labor of sensitive and feminist research methodologies, *Qualitative Research*, 2013, 3 (5), 546–561.

7. Shaw R. The ethical risks of curtailing emotion in social science research: The case of organ transfer, *Health Sociology Review*, 2011, 20 (1), 58–69.
8. Clarke C., Broussine M., Watts L. *Researching with feeling: The emotional aspects of social and organizational research*. London: Routledge, 2014.
9. Dickson-Swift V. et al. Researching sensitive topics: Qualitative research as emotion work, *Qualitative Research*, 2009, 9 (1), 61–79.
10. Kleinman S. “Field-workers feelings, what we feel, who we are, how we analyze”, in: Shaffir W., Stebbins R. (eds.) *Experiencing fieldwork: an inside view of qualitative research*. Newbury Park: Sage Publications, 1991. P. 184–195.
11. Capper D. Scientific empathy, American buddhism, and the ethnography of religion, *Culture and religion*, 2003, 4 (2), 233–253.
12. Watson C. The “impossible vanity”: Uses and abuses of empathy in qualitative inquiry, *Qualitative Research*, 2009, 1(9), 105–117.
13. Van Maanen J. *Tales of the field: On writing ethnography*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
14. Rabinow P. *Reflections on Fieldwork in Morocco: with a New Preface by the Author*. Berkley: University of California Press, 2007.
15. Caplan P. *The Ethics of Anthropology: Debates and Dilemmas*. London and New York: Routledge, 2004.
16. Ushakin S.A. Ethnography of oneself, or the benefits of formalism in anthropology (in Russian), *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004, 7 (2), 160–172.
17. Yudin G.B. *The subject through the eyes of the object: political anthropology of field sociology* (in Russian), *Sociology of power*, 2016, 28 (4), 57–82.
18. Firth R. “Introduction”, in: Malinowski B. *A Diary in the Strict Sense of the Term*. London: The Athlone Press, 1989.
19. Fine G.A. Ten lies of ethnography moral dilemmas of field research, *Journal of contemporary ethnography*, 1993, 22 (3), 267–294.
20. Ellis C., Adams T.E., Bochner A.P. Autoethnography: An overview, *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, 2011, 36 (4), 273–290.
21. Rogozin D.M. How does auto-ethnography work? (in Russian), *Russian Sociological Review*, 2015, 14 (1), 224–273.

22. Anderson L. Analytic autoethnography, *Journal of Contemporary Ethnography*, 2006, 35 (4), 373–395.
23. Gilbert K. *The emotional nature of qualitative*. Boca Raton, FL: CRC Press, 2000.
24. Klepikova A.A. *I guess I'm a fool: an anthropological novel* (in Russian). St. Petersburg: EU SPB, 2018.
25. Etherington K. Working with traumatic stories: From transcriber to witness, *International Journal of Social Research Methodology*, 2007, (2), 85–97.
26. Abashin S.N. et al. (Ed.) Forum: ethical problems of field research (in Russian), *Anthropological forum*, 2006. 5, 6–166.
27. Steinberg I. E. Sociologist in the field: how field interviewers “save the field” or “communication mines” in an interview (in Russian), *Sociologist in the field. The blog of I. Steinberg*. Record dated 12/14/2017. URL: <http://fieldsociology.blogspot.com/2017/12/blog-post.html> (accessed: 11/16/2019).
28. Sampson H., Bloor M., Fincham B. A Price Worth Paying? Considering the Cost of Reflexive Research Methods and the Influence of Feminist Ways of Doing, *Sociology*, 2008, 5 (42), 919–933.
29. McCosker H., Barnard A., Gerber R. Undertaking sensitive research: Issues and strategies for meeting the safety needs of all participants, *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 2 (1), URL: <http://qualitative-research.net/fqs/fqs-eng.htm/> (accessed: 11/16/2019).
30. Fahie D. Doing Sensitive Research Sensitively: Ethical and Methodological Issues in Researching Workplace Bullying, *International Journal of Qualitative Methods*, 2014, 13 (1), 19–36.
31. Dickson-Swift V. et al. Risk to researchers in qualitative research on sensitive topics: Issues and strategies, *Qualitative Health Research*, 2008, 18 (1), 133–144.
32. Dickson-Swift V. et al. Doing sensitive research: what challenges do qualitative researchers face? *Qualitative research*, 2007, 7 (3), 327
33. Steinberg I.E. Prevention of “professional burnout” in the field work of a sociologist (in Russian), *Sotsiologiya 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2008, 27, 188–203.
34. Hochschild A.R. *The managed heart: Commercialization of human feeling*. California: University of California Press, 2012.

35. Simonova O.A. “The concept of emotional work Arly R. Hochschild” (in Russian), in: Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (eds.) *Anthropology of professions: the boundaries of employment in an era of instability*. M.: Option, 2012.
36. Simonova O.A. Emotional work in modern society: scientific discussions and further conceptualization of the ideas of A.R. Hochschild (in Russian), *Journal of Social Policy Studies*, 2013, 3, 339–354.
37. Rogozin D.M. Ethnographic interview: a scientific play in two acts and a method for its interpretation (in Russian), *Interaction. Interview. Interpretation*, 2018, 10 (16), 26–49.
38. Ipatova A.I. Ethnographic interview: comments by a field interviewer on a scientific play about aunt Vel, Nadia and Lena (in Russian), *Interaction. Interview. Interpretation*, 2018, 10 (16), 50–59.
39. Gouldner A.W. Anti-Minotaur: The myth of a value-free sociology, *Soc. Probs*, 1961, 9, 199.
40. Reinharz S. *On Becoming a Social Scientist: From Survey Research and Participant Observation to Experiential Analysis*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1988.
41. Kolozaridi P., Radchenko D. Interviewer 80 lvl (in Russian), *ESForum*, 2018, 1 (57), 14–15.